

факторы, влияющие на реализацию зияний в этих словах. Перспективы исследования видятся в дальнейшем детальном анализе языкового материала с целью обнаружения нестандартного поведения гласных в зиянии, в выявлении дополнительных факторов, от которых зависит реализация гласных в вокалических цепочках.

Источники и литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
2. Бурцева В. В. Новый орфографический словарь-справочник русского языка. – М., 2003 (электронная версия).
3. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. – М., 1977.
4. Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Словарь трудностей русского произношения. – 2-е изд., стереотип. – М., 2001.
5. Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. – М., 2006.
6. Касаткина Р. Ф. О реализации некоторых вокалических сочетаний в русской речи (в печати).
7. Кузнецов О. А. О реализации зияний в словах с сочетаниями -циа- и -цио- // Проблемы языковой нормы (в печати).
8. Крысин Л. П. Новые аналитические прилагательные и явление хиагуса // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М. В. Панова / Сост. Л. А. Капанадзе. Отв. ред. С. М. Кузьмина. – М., 2001.
9. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / Под ред. А. А. Реформатского. – М., 1960.
10. Панов М. В. Русская фонетика. – М., 1967.
11. Томсон А. И. Общее языковедение, второе переработанное и дополненное издание. – Одесса, 1910.
12. Boersma P., Weenink D. Praat: doing phonetics by computer. Computer program, version 4.3.16 (<http://www.fon.hum.uva.nl/praat>).

Примечания

¹ Такие же реализации этих зияний отмечаются в [5, с. 190]: «<...> ассимиляция обычно происходит со звуками на месте *ya, yo, yoo* - произносятся [y] или [oa]: актуализация – акт[у]лизация и акт[oa]лизация, полуостровной – пол[у]стровной и пол[oa]стровной, пуантилист – п[у]нтилист ↔ ст и п[oa]нтилист ↔ ст, флюорография – фл[у]рография и фл[oa]рография».

² Существует традиция не различать понятия *стяжение* и *эллипсис*, а также обозначаемые ими процессы и использовать их в качестве синонимов (см. [8: 6]). В настоящей статье проводится разграничение этих явлений, основанное на оговариваемых отличиях в характере их протекания и на различных результатах в речи.

³ О распространенности такого произношения этого сочетания слов говорилось в одном из докладов Р. Ф. Касаткиной.

Кузьмина С. М.

РУССКОЕ ПИСЬМО: ФАКУЛЬТАТИВНОСТЬ В УЗУСЕ И НОРМЕ

*Орфография – не произвольный «костюм» языка,
а именно система норм письменной речи
как особой формы языка*

А. А. Реформатский

1. Письмо – вторичная система, представляющая собой отражение языковой системы. В основе эволюции письма, как и в основе эволюции всех языковых ярусов, лежит антиномия нормы и узуса как один из важнейших внутренних стимулов саморазвития языка. М.В. Панов пишет: «Одновременно с сознательным строительством русской орфографии на научной базе протекал процесс ее стихийного преобразования, когда практическое осуществление новшеств опережало теоретические рекомендации» [Панов 1965: 19].) Стихия узуса (орфографическая практика) иногда опрокидывает правила, рвет узду, налагаемую на нее нормой, и тем самым служит опытным полем для проверки эффективности действующего правила, подсказывает направление изменений орфографической нормы. В письменном узусе возникают варианты. До поры до времени они квалифицируются нормой как ошибки, как отклонение от нормы. Однако систематическое расхождение между рекомендациями правил и орфографической практикой служит сигналом бездействия нормы и необходимости ее уточнения или пересмотра.

Итак в узусе письма варианты – обычное дело. А как в норме?

2. Языковые нормы, как известно, не исключают наличия вариантов во всех ярусах языка. Так, норма в орфоэпии представляет собой шкалу: она допускает варианты. Именно такое понимание нормы отражено в «Орфоэпическом словаре русского языка» под ред. Р. И. Аванесова, где разработана детальная система нормативных помет. Отказ в словаре М. В. Зарвы «Русское словесное ударение» от вариантов с целью устранения разнобоя в речи не может удовлетворить лингвиста: выбор лишь одного из вариантов произношения означает во многих случаях насилие над языком, поскольку ведет к произвольности выбора одного из сосуществующих равноправных вариантов (см. рецензию на этот словарь [Еськова 2004]).

Орфографические же нормы русского языка представляют в этом отношении исключение – они очень жесткие. Отчасти это объясняется социальными причинами: презумпция советского общества, где все запрещено, даже то, что разрешено, была такой: орфография не должна иметь вариантов, должна быть предельно авторитарной.

Между тем крайняя жесткость орфографических правил имеет много недостатков. На ней, частности, основана репрессивная система оценок письменных текстов, связанная с злоупотреблением властью в школе и особенно при поступлении в вуз. Это большое социальное зло.

По нашему мнению, целесообразно пересмотреть статус орфографических правил и сделать их более гибкими, узаконив в строго определенных случаях варианты. Многие члены орфографической комиссии конца XX – начала XXI вв., работавшей над проектом новой, переработанной и дополненной редакции свода «Правил орфографии и пунктуации» (см. [Свод 2000]), ссылаясь именно на «орфографический террор», высказывали пожелания сделать правила менее жесткими и в ряде случаев допустить вариативность написаний. В отзывах на проект также была поддержана эта идея. Однако ввиду неразработанности теории этого вопроса пожелания остались практически нереализованными.

3. Кодификаторы прошлых лет не исключали возможности двояких написаний. Д. Н. Ушаков в «Толковом словаре русского языка» приводит довольно много орфографических вариантов. Вариативные написания предусматривались проектом свода правил 1936 года. В проекте правил, разработанном орфографической комиссией 1963-1964 гг., также предлагались некоторые факультативные написания, в частности, слитного-

раздельного написания отрицания *не* с прилагательными, а также наречных единиц типа *вбегах* и *в бегах*, *вдиковинку* и *в диковинку* [Еськова 1964: 97, Панов 1964: 119].

4. Главный довод в пользу допущения вариативности – наличие в языке переходных, промежуточных, трудноразграничиваемых явлений, допускающих разную трактовку. Можно привести множество примеров из всех языковых ярусов на размытость границ между разными языковыми единицами: между производным и непроизводным словом, между словом и морфемой, между словом и словосочетанием, между именами собственными и нарицательными, термином и нетермином, причастием и прилагательным и т. д. Так, А. М. Пешковский, говоря о переходе причастий в прилагательные, приводит примеры, когда слово «может быть, на 2/3 уже не причастие», а также примеры «еле зарождающихся наречий», когда трудно разграничить падежную форму существительного от наречия [Пешковский 1928: 170]. Между тем на разграничении всех этих единиц строятся многие орфографические правила и во всех этих случаях орфография требует принятия однозначного решения.

Ввиду наличия в языке явлений, имеющих двойной статус, при выборе одного из написаний кодификаторам неизбежно приходится принимать достаточно условное решение. Даже среди авторов и редакторов проекта новой редакции свода правил подчас не было единодушия в предпочтении одной из возможных интерпретаций и, соответственно, в выборе одного из вариантов написаний. Не разумнее ли вместо принятия условного решения допустить в некоторых случаях вариативные написания! Тем более что принятие условного решения именно в силу условности ведет к неизбежности ошибок. Есть случаи, когда найти идеальное орфографическое решение, нельзя, например, для слитного-раздельного написания наречий. Именно в таких случаях и можно допустить варианты. «Факультативность написаний допустима, если она отражает подвижность, переходный характер языковых явлений». [Обзор 1965: 331].

5. Разумеется, вариативность написаний допустима не во всех случаях.

При буквенной передаче корней слов орфография имеет право быть категоричной и не допускать вариантов: недопустимость вариативности при передаче звукового состава корней диктуется тем, что единый (в пределах фонематического принципа) облик корня способствует запоминанию его написания: пишущий привыкает воспроизводить его в одном и том же буквенном оформлении.

Больше оснований для допущения вариативности в области слитных-дефисных-раздельных написаний, а также при выборе прописной или строчной буквы. Рассмотрим несколько таких случаев.

– В слитном-дефисном написании иноязычных сложных в языке-источнике существительных без соединительной гласной правила фактически нет, действующее правило сводится к перечислению списков слов, одни из которых следует писать слитно, другие – через дефис, например: *беф-брезе, ленд-лиз, люля-кебаб, ноухау, папье-маше, прессиан*, но *бефстроганов, ландвер, мейстерзингер, метрдотель, нотабене, портшез, прейскурант, пресс-папье*.

– Сходная ситуация с правилами слитного-раздельного написания наречий. Круг слитно пишущихся наречий может быть значительно расширен, прежде всего за счет тех наречий, в которых следующее после предлога-приставки мнимое существительное или прилагательное не существует в современном языке, например, предложить писать слитно *на изготовку, на излете* (ср. *навывает*), *на особицу, на оцупь, на подхвате, на попятную* (ср. действующее написание *напропалую, врассыпную*), *на потребу, на прожиток, на пропой, на рожон* т. п.

Однако, замена в раздельных написаниях слитными в ряде случаев была бы в какой-то мере насильем над языком, ведь, несомненно, имеется много промежуточных случаев между существительным с предлогом и наречием. Так, сильноуправляемый глагол в *сбить с панталыку* провоцирует понимание этого сочетания как предлог + уникальное управляемое существительное. Такому пониманию способствуют и некоторые контексты, (ср. *сбить с толку, сбить с пути*) Контекст может оживлять в предлоге-приставке «предложность», например, *на слух* и *на оцупь*.

Поэтому кажется целесообразным рекомендовать в некоторых случаях (например, *вдобавок, вконец, вногу, внаем, вохотку, втулик*), как это предлагает М. В. Панов, слитное написание, указав на его предпочтительность, и вместе с тем допустить раздельное написание, введя формулировки типа «допустимо», «возможно также», «не является ошибкой» [Панов 1964: 119].

– В первоначальном варианте упомянутого выше проекта новой редакции свода правил предлагалось писать через дефис конструкции типа *свинья-свиньей, чудак-чудаком, честь-честью*. Такое написание было распространено до принятия свода 1956 г. Однако предпочтительнее в правиле допустить и раздельное написание с формулировкой «допустимо», «не является ошибкой». Это не потребует от пишущих переучиваться.

– В проекте было предложено также снять исключение из правила о написании через дефис однословных прилагательных: то есть независимо от того, следует ли прилагательное за определяемым словом или предшествует ему, писать его через дефис, например, *старик-отец, красавица-дочка, красавица-Маша, резвушка-Маша*. Наблюдения за орфографической практикой показывают, что в печати нередко встречаются такие написания. Однако и здесь можно было бы допустить и раздельное написание – дать волю пишущему оценить эти конструкции по-разному. Вообще пишущий должен иметь право на передачу языковых тонкостей и различий.

– Особенно широка шкала градаций, переходов от собственных имен к нарицательным. В употреблении прописной-строчной букв для обозначения обобщенных названий людей по чертам характера или поведения, связываемых с историческими лицами, мифологическими или литературными персонажами, можно было бы, учитывая наблюдения над языковой практикой, предлагать предпочтительный вариант, но допускать двоякое написание, например: *Обломовы* и *обломовы, Герострат* и *герострат*.

Введение вариативных написаний означает разбиение орфографических норм на строгие, обязательные к исполнению, и не строгие, допускающие отклонение от строгого стандарта.

6. Должны быть разработаны возможности практического осуществления вариативности написаний. Например, в словаре может фиксироваться одно написание, а в правиле разрабатывается перечень случаев, когда

отступление от написания, даваемого в словаре, не должно расцениваться как ошибка. Такое допущение означает, что в печати не будет вариантов: корректоры обязаны соблюдать, выдерживать желательный вариант, однако допустимый вариант не является ошибкой, например, при проверке школьных или абитуриентских работ.

Другая возможность: в словаре даются два варианта с пометой о предпочтительности одного из них и допустимости другого, как это делается, например, в орфоэпических словарях. Этот вариант несколько утяжелит подачу слов в орфографическом словаре. Вопрос о том, какой из двух вариантов более предпочтителен, требует дополнительного изучения.

Разумеется, должен быть четко очерчен круг явлений, где можно свободно выбирать написание в соответствии с собственной интерпретацией.

Литература

1. Еськова Н. А. Рецензия на: М. В. Зарва. Русское словесное ударение. Словарь. Около 50 000 слов // Русский язык в научном освещении. – № 1 (7). – 2004.
2. Еськова Н. А. О слитном и раздельном написании не // Вопросы русской орфографии. – М., 1964.
3. Кузьмина С. М., Лопатин В. В. Принципы и задачи «Свода правил русского правописания (новая редакция)» // Русистика сегодня. – 1996. – № 1.
4. Кузьмина С. М. Реформа или новая редакция? (о новой редакции свода правил русской орфографии) // Отечественные записки, 2002, № 1.
5. Лопатин В. В. Новая редакция правил русского правописания: реальности и мифология // Общественные науки и современность. – 2002, № 3.
6. Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). – М., 1965.
7. Панов М. В. О слитных и раздельных написаниях // Вопросы русской орфографии. – М., 1964.
8. Панов М. В. Принципы русской графики и орфографии. Историческая справка // Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). – М., 1965.
9. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 3-е, – М.-Л., 1928.
10. Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация. Проект. – М., 2000.

Кулюпина Г. А.

ФОНЕМНАЯ АКТИВНОСТЬ В СТРУКТУРИРОВАНИИ ПРЕФИКСОВ ИМЕН И ГЛАГОЛОВ

На современном этапе развития отечественной лингвистики, когда наблюдаются столь значительные успехи в стилистических и семасиологических, синтаксических и деривационных исследованиях русского языка, может сложиться представление о том, что фонетические и фонологические исследования не столь актуальны и значимы среди работ, посвященных более высоким уровням развития языковой иерархии. Такое мнение не совсем верно. Основу языковой материи составляют именно звуки, поэтому фонологические исследования можно признавать приоритетными и актуальными на любом этапе развития отечественного языкознания.

Сложилось также не совсем точное представление о том, что в фонетике и фонологии многое уже исследовано и доказано, наблюдается, если можно так выразиться, дефицит «белых пятен». Опираясь на изученную литературу, мы бы выделили, как минимум, три направления, до сих пор недостаточно освещенных фонетистами: фоносимволизм, «эстетическую» фонетику (звукопроизводительную культуру, в частности, культуру интонирования), а также статистическую фонетику.

О важности, значимости статистического метода говорил еще И. А. Бодуэн де Куртенэ, определяя задачи языкознания, которые необходимо решить в XX веке: «Нужно чаще применять в языкознании количественное, математическое мышление и таким образом приблизить его все более к наукам точным» [1, с. 17].

Настоящая работа посвящена статистическому параметру описания фонологии русских префиксов, так как «наличие достаточного количества чисто статистических данных о единицах разных уровней позволяет решить разные теоретические и практические задачи современного языкознания» [2, с. 25]. Л. В. Бондарко, Н. В. Саламатина и Л. С. Юдина подчеркивают особую важность количественных данных для описания звукового уровня языка: «В фонетических исследованиях статистические подсчеты – даже самые простейшие – дают очень наглядные сведения, касающиеся функциональной нагрузки фонологических единиц» [3, с. 65]. Статистическая обработка результатов исследования позволит «количественно охарактеризовать те фонологические явления, которые сегодня мы лишь констатируем» [4, с. 12].

Таким образом, количественные подсчеты в перспективе дадут возможность понять сложные и разветвленные процессы образования морфем из единиц более низкого уровня.

Исследования двух последних десятилетий убедительно доказывают гипотезу о существовании тонкой корреляции между планом содержания и планом выражения. Целый ряд работ Л. Г. Зубковой посвящен поискам ответа на вопрос, «какие звуковые средства и как используются для выражения тех или иных типов языковых значений и почему данные значения передаются именно этими средствами, а не другими и именно так, а не иначе» [5, с. 340].

В звуковой организации слова отсутствует неупорядоченность, произвольность связи плана выражения с планом содержания. Для нашего исследования теоретически значимы выводы, к которым пришла Л. Г. Зубкова. Проанализировав слова различных частей речи по разным параметрам (рассматривались фонемно-слоговая структура морфов и словоформ, соотношение звуковых единиц с морфемой, соотношение морфа и слога, акцентная структура имени и глагола), автор приходит к заключению, что единство формы и содержания значащих единиц, корреляция звучания и значения проявляются в дифференцированном использовании звуковых средств для выражения различных типов языковых значений. Функционально-семантические различия между словами связаны с различиями между корневыми морфемами и служебными, между морфемами одного типа, но конституирующими слова разных частей речи. Эти различия обнаруживаются

- в инвентаре используемых фонем;
- в комбинаторных свойствах и дистрибуции фонем;
- в соотношении слоговых и морфных границ;
- в распределении ритмических структур и т. д. [см. 6, 7, 8].